

– Я же говорил, будет хорошо.

Отец вышел из машины, ступил на скрипнувшую под ногой гальку.

– Да, действительно, – согласилась мать, опуская на глаза солнечные очки.

Маки на ее сарафане смотрелись особенно ярко на фоне темно-серых камней пляжа.

– Совсем никого. Даже не верится.

В нескольких метрах от берега плавала черная птица. Время от времени она ныряла и вскоре выныривала такой же сухой, как и была.

Игорь приоткрыл дверь машины. Сквозь образовавшийся проем увидел солнце и ряд коттеджей, уходивших вдоль береговой линии далеко на запад, к поросшему скудным кустарником холму.

Ближайший коттедж смотрел на ребенка стекляннным фронтоном, в котором отражались пляж, море и небо. За стеклом угадывались похожие на потоки застывшей лавы темные задернутые шторы.

Отец открыл багажник, достал свернутую трубой циновку, расстелил возле воды.

– Все-таки очень странно, – снова сказала мама, став на циновку и оглядевшись. – Такая пустота.

Птица, равнодушная к людской суете, продолжала нырять. Под водой мелькали ее черные, похожие на складные зонтики лапы. Вода была прозрачной, но птица умудрялась растворяться, едва успев появиться.

Мама сняла сарафан, свернула его, спрятав маки, и положила себе под голову.

– Купаться? – предложил отец.

– Иди, я не хочу.

Он прошелся по берегу, забрел в воду по шиколотку, сморщив нос, посмотрел на море. Раздумывая, лезть – не лезть, ударил ногой по волне.

Мальчик подошел к отцу, стянул майку и бросил ее к циновке. Солнце колючками чертополоха легло на плечи.

– Бейсболку не снимай, – предупредила мать.

Отец помыл руки, брызнул себе на плечи и грудь.

– Глубоко не заходи. По пояс, не дальше, – бросил он сыну и пошел к лежанке.

Игорь слышал, как скрежетнули под ним камни, когда он укладывался. С хохотком застонала мать, наверное, он, как всегда, положил ей мокрую руку на живот.

Все затихло, лишь с негромким шумом вздрагивало море.

Игорь сделал шаг, вода обняла его ноги до самых колен.

Оглянулся на дом, тот смотрел на него бликующей стеклянной стеной.

Там отражались все те же море, небо, пляж. Еще был горизонт. Игорь удивился, что не разглядел его в первый раз. Наверное, он пришелся на линию между этажами.

Здесь лежат затопленные корабли, полные золота, древних статуй и изображений чужих богов. Здесь плавали древние греки, римляне, вавилоняне, ассирийцы, египтяне. Везли царей и принцев, бились друг с другом, чтобы усеять потом своими костями дно этого моря.

Родители журчаще и неразборчиво переговаривались сзади и чуть справа.

Потом звук их речи затих, но мальчик продолжал чувствовать между лопатками отцовский взгляд.

Игорь сделал несколько шагов. Теперь вода почти доставала до плавок. «Еще немного и стоп», – вспомнил он слова отца.

Отсюда море было похоже на пустыню. «Да, именно так я и читал где-то, “водная пустыня”», – подумал мальчик.

Волна, взбрыкнув, обрызгала его плавки, и он почувствовал ее холодное и будоражащее прикосновение к укрытому тканью телу.

Кожа на плечах горела под солнцем.

Игорь присел, так что вода достала до самых скул, и снова выпрямился.

Бейсболка перекрывала часть неба, и он развернул ее козырьком назад.

Послышался мамин смех, перемежаемый папиным урчащим баском.

– Бейсболку не снимай, – напомнила мама меж всплесками смеха.

Игорь снова шагнул. Вода достала как раз до резинки плавков, той границы, дальше которой не разрешал заходить отец.

«Здесь лежат затопленные корабли, полные золота, древних статуй и изображений чужих богов. Здесь плавали древние греки, римляне, вавилоня-

не, ассирийцы, египтяне. Везли царей и принцев, бились друг с другом, чтобы усеять потом своими костями дно этого моря. Теперь все они лежат в темноте, покрытые илом, песком, камнями, и рыбы глядят из глазниц их черепов, словно зачарованные принцессы из окон замка. Здесь живут киты, акулы, гигантские спруты. Змеи-убийцы и убийцы-медузы. В этих водах когда-то плавали динозавры размером с нашу школу, рвали друг друга, кровь их влекла сотни других хищников, и тут бушевала каша из убивающих и умирающих. Они бились о воду, вгрызались друг в друга, чтобы потом тоже лечь костями на морское дно».

Игорь шагнул вперед, потом еще...

Нога его не нашла под собой опоры, и он провалился в пустоту.

Попытался закричать, но крик его вырвался из горла бессильной струйкой пузырьков. Играя и переливаясь, они медленно ушли вверх. Игорь бил руками и ногами, но все впустую. Свет над ним, прошедший сквозь бирюзовую средиземноморскую воду и оттого сам ставший бирюзовым, неумолимо темнел. Тишина и глубина сдавили уши.

Откуда-то вынырнула черная птица, объятая шлейфом пузырьков воздуха. Посмотрела прямо в глаза, словно сообщила некий секрет или же, наоборот, спросила, разгадал ли он теперь секрет морской глубины, и, взмахнув зонтиками лапок, ушла вверх.

Игорь вдруг замер, перестал биться. Им овладело спокойствие, почти равнодушие.

– Похоже, теперь я знаю, как выглядит смерть.

Бейсболка медленно, почти торжественно сползла с его головы. Он увидел акулу, перекусывающую хоккейную клюшку, и картинка исчезла.

Игорь посмотрел наверх, туда убегали последние пузырьки воздуха, совсем маленькие и, как показалось, очень одинокие.

И тут ноги его ощутили под собой гальку. Таковую же, какая была у него под ногой, когда он вышел из машины.

Мальчик, цепляясь за неверное, выскальзывающее из-под ног дно, побежал вперед, едва ли сознавая, куда двигается. Он цеплял камни кончиками пальцев, те отлетали, словно от колес буксующего автомобиля, но ребенок продвигался вперед. Скоро он увидел перед собой темную массу, вцепился в нее руками, та же галька, и двинулся вперед с удвоенной скоростью.

Потом он лег на берег, посмотрел на родителей.

Отец поднял голову.

– Он здесь. Лежит, играет с камнями, – сообщил маме.

Руки ее, словно действуя в гипнотическом танце, двигались, перебирая пряди густых каштановых волос. Она неподвижно смотрела на море, будто нашла там что-то очень важное.

Легкие волны накатывали на берег, журчали в гальке. Перебирали ее, словно забавляясь бесконечным калейдоскопом.

Солнце снова легло на спину, но теперь не колело, а грело.

Игорь дернулся, его беззвучно стошнило морской водой.

Понемногу он согрелся.

Монотонная серая мешанина камней перед его глазами стала распадаться на части, кусочки, детали. Сквозь серое проступили белые линии, красные искры, синие волны, камушки стали почти огромными и невозможно интересными. Мальчик пересыпал их с ладони на ладонь, чувствуя радостное возбуждение от новообретенной жизни, вглядывался, находил странные, невиданные прежде оттенки, удивлялся множеству и многообразию.

Накатывали волны, ткань камней перед ним менялась, шевелилась. И он, забыв о недавнем потрясении, перебирал пальцами, разгребал обнаруживающиеся богатства.

Снова раздался мамин смех, мальчик поднял голову, и взгляд его упал на дом. Шторы были все так же задернуты, но теперь между ними и стеклом стояла женщина в светящемся на солнце халате. Руки ее, словно действуя в гипнотическом танце, двигались, перебирая пряди густых каштановых волос. Она неподвижно смотрела на море, будто нашла там что-то очень важное.

Штора шевельнулась, появилась темная, цвета кофе, мужская фигура. Жилистые руки обняли женщину, прошлись от груди до бедер, развязали пояс халата. Игорь увидел черноту там, где сходились ноги женщины, яркие точки сосков на белой коже.

Руки продолжали свое путешествие, женщина засмеялась, повернула голову, поцеловала мужчину.

Потом перевела взгляд, и Игорю показалось, что их глаза встретились.

Она одним движением нырнула за штору, увлекая за собой своего друга, и перед мальчиком оказался все тот же неподвижный фасад, нарушаемый разве что последними колыханиями шторы.

Мальчик некоторое время еще чего-то ждал, неотрывно глядя на стеклянный дом, потом снова опустил глаза на камни перед собой.

Черная птица вышла из моря и чистила клювом перья неподалеку. На суше она была похожа на утку. – В гостинице скоро ужин. Если мы хотим успеть, надо ехать, – сказал отец.

Игорь перебрал камни, они играли узорами, светились на изломах. Захотелось взять хотя бы несколько, а лучше целую горсть, но он отряхнул руки и пошел к машине.

Когда выжимал плавки, стоя на раскаленной, как адова сковорода, гальке, взглянул на дом. Шторы не двигались.

Черной птицы снова не было видно.

